

И. М. Савельева
А. В. Полетаев

И С Т О Р И Я
И
В Р Е М Я

в поисках утраченного

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1997

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы и средних специальных учебных заведений готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование».

Взгляды и подходы автора не обязательно совпадают с позицией программы. В особо спорных случаях альтернативная точка зрения отражается в предисловиях и послесловиях.

Редакционный совет: *В. И. Бахмин, Я. М. Бергер, Е. Ю. Генцеева, Г. Г. Дилигенский, В. Д. Шадриков.*

Савельева И. М., Полетаев А. В.

С 12

История и время. В поисках утраченного. — М.: «Языки русской культуры», 1997. — 800 с., 1 илл.

ISBN 5-7859-0025-4

Монография является первым комплексным исследованием проблемы времени как категории исторического дискурса. История не только определяет времяположение прошлого, настоящего и будущего. Она конструирует и множество сложных временных форм: настоящее в прошлом, прошлое в настоящем, будущее в прошлом и т. д. Анализ роли темпоральных представлений в историческом сознании и историческом познании позволяет дать нетрадиционную трактовку эволюции европейской историографии и ее места в системе современных социальных наук. В книге рассматривается широкий круг тем, связанных с историческим временем, — от часов и календарей до дисциплины и аллокации времени, а также различные способы сегментации и структурирования истории: хронологические системы, концепции периодов и эпох, стадийные и циклические схемы, контрфактические и экспериментальные модели, методы дехронологизации и деконструкции.

На контртитule — картина П. Брейгеля «Триумф Времени» (Нью-Йорк, Музей Метрополитен); ее описание см. на странице 10.

ББК 63

ISBN 5-7859-0025-4

© И. М. Савельева, А. В. Полетаев, 1997

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
Глава 1. ВРЕМЯ И МЕСТО ИСТОРИИ	15
§ 1. ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ	27
1. Классификация «по предмету»	28
2. Общество и человек	39
§ 2. МЕТОД ИСТОРИИ	43
1. Классификация «по методу»	44
2. Специфика исторического познания	57
§ 3. ВРЕМЯ ИСТОРИИ	72
1. Два образа времени	73
2. Темпоральные характеристики исторических исследований	89
§ 4. ИСТОРИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК	97
1. История и политология	99
2. История и экономическая наука	104
3. История и социология	111
4. История и психология	117
5. История и культурная антропология	125
6. История и география	128
Глава 2. ОТ ХРОНОЛОГИИ К ИСТОРИОГРАФИИ	137
§ 1. СОБЫТИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ	142
1. Событие как элемент исторического анализа	143
2. Событие и время	150
§ 2. КАЛЕНДАРНОЕ ВРЕМЯ	159
1. Календари	160
2. Календарные периоды	171
§ 3. ХРОНОЛОГИЯ	178
1. Системы <i>ex ante</i>	181
2. Системы <i>ex post</i>	185

§ 4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ	196
1. Концепция эпох	200
2. Новое время	212
3. Власть схемы	222
§ 5. ВЕКА И СТОЛЕТИЯ	228
1. «Время чего-либо, замечательное чем-либо»	231
2. Века-столетия	238
Приложение. «Игра в цифири»	250
Глава 3. «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ» ИЛИ «ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ»	273
§ 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФОРМАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	280
1. От древности до Возрождения: история мира	285
2. Новое время: история общества	297
§ 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ	308
1. Ухронии	311
2. Прогнозы	322
§ 3. СХЕМЫ «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»	329
1. Выделение ядра	331
2. «Время по Гринвичу»	339
3. Синхронизация диахронии	342
Глава 4. ЦИКЛЫ И СТАДИИ	355
§ 1. МЕХАНИЗМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ	359
1. Смена поколений	360
2. «Циклы жизни»	371
3. Космические факторы	377
4. Механические модели	382
§ 2. ПЕРИОДИЧНОСТЬ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ	387
1. От трех до тридцати	391
2. Пятьдесят—шестьдесят	400
3. Сто и больше	421
4. Проблема выбора	431

§ 3. СТАДИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	433
1. Типология стадияльных схем	438
2. «Разрывы» истории	447
3. Стадии и циклы как способы периодизации	457
Приложение. Датировки экономических циклов	467
Глава 5. ИСТОРИЯ ВРЕМЕНИ	481
§ 1. СТРУКТУРИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВРЕМЕНИ	492
1. Измерение и структурирование времени	494
2. Время как ресурс: ценность и собственность	514
3. Использование времени: аллокация и дисциплина	538
§ 2. ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	566
1. Эмпирические представления	579
2. Семейные представления	584
3. Сакральные представления	593
4. Исторические представления	600
Глава 6. HISTORICUS LUDENS	617
§ 1. ИГРЫ С ПРОШЛЫМ	622
1. Историзм	624
2. Структуризация времени	636
3. Анахронизм	644
4. «Экспериментальная» история	647
5. Дехронологизация	654
§ 2. НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ	660
1. От настоящего к прошлому	664
2. Политические течения: откуда и куда?	674
3. Историческая закономерность и случайность	684
Литература	697
Указатели имен	779

Доктрина времени, наука о когда-то бывших вещах, принимает наименование исторической, так как ее изучение создает историю.

Жан Гарнье. Библиотечная система Парижской коллегии общества иезуитов, 1678 г.

Питер Брейгель. Триумф Времени

В центре гравюры помещена фигура Времени-отца (образ, укоренившийся в эпоху Возрождения) в виде Кроноса или Сатурна, пожирающего собственного сына. В левой руке он держит змею, кусающую свой хвост — обозначение бесконечной цикличности времени в восточных культурах. Повозка, символизирующая движение Времени, запряжена лошадьми Солнцем и Луной, а ее колесами служат мандалы, означающие «колесо времени» в буддистской мифологии.

Левая половина гравюры с осенним пейзажем изображает умирание и разрушение, весенний пейзаж в правой части отождествляется с рождением и созиданием. Одновременно река отделяет передний — сакральный — план композиции от заднего — мирского.

На переднем плане повозка Времени везет Древо жизни, растущее из шара, окруженного двенадцатью знаками Зодиака (аллегория Космоса). В качестве плодов Древа жизни справа, на цветущих ветвях, изображены механические часы с колоколом, отбивающим часы жизни, а на засохших ветвях слева — весы, которые традиционно (начиная с египетской мифологии) ассоциировались с взвешиванием душ умерших во время загробного суда. На заднем плане горящему зданию в левой части противопоставлено справа изображение элементов повседневной жизни — домов, мельниц, церкви, а также людей, танцующих в хороводе вокруг Майского шеста.

В результате движения Времени разрушается все создаваемое человеком: орудия труда, утварь, музыкальные инструменты и даже книги. За Временем следует Смерть на кляче, но завершает триумфальное шествие не она, а аллегорическая фигура Славы на мощном слоне. Как гласит последняя строфа подписи под гравюрой, из всего на свете остается одна лишь Слава, услаждающая своими звуками мир.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Наша земля приходит в упадок;
взяточничество и коррупция процветают;
дети перестали слушаться родителей;
каждый хочет написать книгу
и конец мира уже близок.*

Папирус Присса
1 половина III тыс. до н. э.

Как известно, все люди делятся на тех, кто не стремится писать книги, и тех, кто их пишет. Сочинители, в свою очередь, либо предварают свои книги введением, либо ограничиваются предисловием (попытки отдельных экстремистски настроенных авторов вообще не писать предисловия в большинстве случаев незамедлительно пресекаются рецензентами и редакторами). Введение создается по строгим канонам: оно содержит постановку проблемы, определяет границы и параметры исследования и, бесспорно, свидетельствует о серьезности намерений автора. Предисловие же пишется как сочинение на вольную тему и в большинстве случаев является симптомом усталости от собственного труда.

Дань «смертельной серьезности», пользуясь выражением М. Вебера, мы отдаем в первой главе, которая, кажется, отвечает всем требованиям «Введения», а здесь хотим ограничиться предисловием. Но и это не очень облегчает задачу, и остается лишь повторить вслед за автором «Дон Кихота»: «Должен сознаться, что хотя я потратил на свою книгу немало труда, однако ж еще труднее мне было сочинить это самое предисловие, которое тебе предстоит прочесть» (*Сервантес* 1976 [1605], т. 1, с. 11).

Во введении обычно говорится о том, что можно найти в данной работе. Поэтому в предисловии мы решили написать о том, чего в нашей монографии искать не следует. На наш взгляд, это тоже может быть небесполезно для читателя.

Прежде всего, в своей книге мы не выходим за рамки обсуждения европейской концепции исторического времени. Это ни в коей мере не свидетельствует о европоцентристской позиции авторов, а определяется только пределами их компетенции. Представления об

историческом времени в иных регионах настолько отличны от европейского, что требуют другого исследования и других исследователей.

Мы пытались уйти и от обсуждения проблем философии времени. Конечно, полностью избежать его нам вряд ли удалось, но по крайней мере мы сознательно не цитировали сакраментальное изречение Св. Августина: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю» (*Августин. Исповедь... 11, XIV, 17*).

В работе отсутствует и специальный анализ социологических, экономических и культурологических темпоральных концепций. Нас преимущественно интересовали возможности разработки проблемы времени в исторической науке. И поэтому, хотя тема исследования с очевидностью имеет междисциплинарный характер, подходы к изучению времени в других социальных науках рассматриваются нами не сами по себе, а только с точки зрения их потенциального интереса для историков.

В книге нет панорамы всемирной истории, равно как и исчерпывающих обзоров литературы. Мы отнесли бы свое сочинение к жанру «теоретической истории». «Иллюстративный» материал — исторические и историографические примеры — используется лишь в той мере и в том ракурсе, в каком нам это казалось необходимым и достаточным для демонстрации многообразия возможностей темпорального подхода к истории. В этом смысле книга не традиционна.

Отсутствуют и модные ныне постмодернистские веяния, и неоправданно мало написано о постмодернизме: несмотря на все наши старания, этот «другой» остается для нас «чужим». В этом смысле книга старомодна.

Парадоксально, но в этой книге о времени нет «духа времени» (в смысле *Zeitgeist*). Во всяком случае нам так кажется, хотя выйти из своего времени никто не волен. Но речь не об этом. Здесь читатель не обнаружит примет нашего времени, озабоченности нашего времени, напряженности нашего времени, сиюминутности. Скажем прямо, в ней нет размышлений на тему о том, «куда идет Россия?..». В этом смысле книга не современна.

Полагаем, что перечень отсутствующего в книге уже достаточно длинен для того, чтобы заинтересовать читателя и побудить его выяснить, что же все-таки в ней есть.

* * *

Еще в XV в. итальянский гуманист Лоренцо Валла перечислил пять важнейших условий, необходимых для ученых занятий. В начале этого списка стоят «общение с образованными людьми» и «изобилие книг». Далее следуют «удобное место», «свободное время» и, наконец, «душевный покой» (цит. по: *Баткин*, 1995, с. 72).

Мы в полной мере насладились первыми двумя условиями. В последние годы, очень нелегкие для научного сообщества в нашей стране, нам выпало удовольствие общения с коллегами по альманаху «THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем»: В. С. Автономовым, С. А. Афонцевым, А. В. Беляниным, Т. Б. Гвоздевой, Ю. А. Кимелевым, Э. Г. Соловьевым, А. Ф. Филипповым. Именно «труды в досуге» с этими замечательными людьми сделали возможной нашу книгу.

Что касается замысла этой работы, то он возник в беседах с Ш. Айзенштадтом, И. Уоллерстайном, а также М. А. Баргом, который, к сожалению, не дожил до выхода этой книги в свет.

Написав книгу о времени, мы как никто другой можем оценить труд, взятый на себя Я. М. Бергером, Т. Д. Венедиктовой, Г. Г. Дилигенским, М. М. Духановым, Г. И. Зверевой, Л. Л. Лисюткиной, Н. Б. Маньковской, Л. П. Репиной, В. Г. Федотовой и Б. М. Шпотовым, равно как и коллегами по «THESIS'у». Время, потраченное ими на чтение и рецензирование нашей работы, они, конечно же, могли использовать с гораздо большей пользой для себя. Но ценность сделанных ими советов и замечаний для нас была необычайно высока.

Второе условие — изобилие книг — настолько, насколько это возможно, обеспечивала нам библиотека ИНИОН РАН, сотрудникам которой, остающимся хранителями духа «старого ФБОНа», мы тоже хотим выразить нашу сердечную благодарность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВРЕМЯ И МЕСТО ИСТОРИИ

— Вот граница! — сказал Ноздрев. — Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и все, что за лесом, все мое.

Н. В. Гоголь. Мертвые души.

История поисков места для истории в общей системе знаний восходит к древнегреческим авторам. Общества, начиная с древних, приписывали истории целый ряд важных задач, связанных с культурно-политическими функциями, функциями накопления и обобщения социального опыта. Но несмотря на столь важную роль, вплоть до конца XVI в. история, как ни странно, вообще не рассматривалась в качестве самостоятельной области знания.

В XVII—XVIII вв., в эпоху главенства естественнонаучного подхода, история по-прежнему оставалась вне науки (к которой относились лишь естественные дисциплины), но за пределами естествоведения и философии занимала господствующие позиции.

В XIX в., когда стали формироваться социальные науки (экономика, социология, психология, политология, антропология), их многоголосие заглушило партию истории, и в то время у многих возникло впечатление, что история как наука не состоится, что она лишилась монополии на предмет и не обрела своего метода. «В XIX в., веке науки, истории и романа, историки упорно стремились разместить свою дисциплину во владениях науки...» (Hartog 1980; цит. по: Мило 1994 [1990], с. 186), но все попытки утвердить специфику своего предмета и (или) найти собственные методы были не слишком успешными.

В 1930-е годы, когда завершился период становления большинства общественных дисциплин, выяснилось, что слухи о смерти истории оказались несколько преувеличенными. История сохранила и свою самобытность, и, в значительной мере, престиж. Но ее отношения с другими социальными науками остаются непроясненными, существуют проблемы взаимодействия, приоритетов и разделения сфер исследования.

В основе всех классификаций наук — от Платона до наших дней — лежали два принципа: классификация *по предмету* и *по методу*. При этом история не вполне укладывалась в классификационные схемы, основанные на этих двух принципах членения. В результате ее либо вообще «истребляли» как самостоятельную область знания или научную дисциплину (начиная с Эпикура и кончая позитивистами XIX в.), либо, наоборот, включали в нее почти все мыслимые науки, в том числе и естественные (как это делали, например, Ф. Бэкон и Д. Дидро). Аналогичные проблемы возникали даже при сужении предмета истории до сферы изучения общества — она или вообще выпадала из классификационных схем, или начинала занимать в них непропорционально большое место.

Правда, авторами подавляющего большинства концепций и схем, определявших место истории в системе знания, были философы, а не историки. Между тем гораздо более интересной (и менее разработанной) является проблема самоидентификации истории. Но историки, в большинстве своем, предпочитают уклоняться от обсуждения этой темы.

На наш взгляд, сложности с определением места истории в системе научного и тем более общего знания состоят в том, что наряду с классификацией по предмету и методу науки могут (и должны) классифицироваться *по времени*, к которому принадлежит объект их изучения, — прошлому, настоящему и, вообще говоря, будущему (хотя в настоящий момент науки о будущем фактически не существуют в самостоятельном виде).

Идея о том, что прошлое тем или иным образом вплетено в природу исторического познания, достаточно банальна для рефлексий по поводу истории. Очень часто само «прошлое» определяют как объект истории: «Поскольку предметом истории как теоретического построения является прошлое — отделенное от настоящего и будущего — то время, во всяком случае, принадлежит к важнейшим ее понятиям» (Зиммель 1996 [1917], с. 517). Или: «Историей называют нынче науку, которая всесторонне изучает прошлое человечества...» (Дьяков 1974, с. 11) и т. п.

Другая распространенная позиция сводится к ассоциированию истории с изучением самого времени. Например, еще в эпоху античности историка называли *translator temporis* (передатчиком времени). И еще совсем недавно выдающийся французский историк Ф. Бродель упрекал представителей других социальных наук в том, что

они «проявляют склонность игнорировать как труды историков, так и тот специфический объект социальной реальности, который лучше всего изучается историей... Этим аспектом оказывается социальное время, сложное, противоречивое человеческое время, составляющее материю прошлого и саму структуру современной социальной жизни» (Бродель 1977 [1958], с. 117).

Но, как справедливо заметил известный английский социолог Э. Гидденс, «историкологи могут рассматриваться как специалисты в области времени не в большей степени, чем географы могут рассматриваться как специалисты в области пространства. Эти обычно применяемые дисциплинарные различия свидетельствуют лишь о подавлении времени и пространства в социальной теории» (Giddens 1981, p. 353). Историкологи изучают не «прошлое» и не «время», а некий объект в прошлом (общество, его подсистемы, индивида). Именно этим история отличается от социальных наук, которые, условно говоря, занимаются анализом *настоящего*, подразумевая под этим разработку теоретических схем, моделей, категорий и понятий, способствующих пониманию существующего ныне общества и современного человека.

Как ни удивительно, это различие до сих пор практически не акцентировалось в научной литературе. Нам удалось найти лишь одно высказывание такого рода: «Разделение „сфер влияния“ между историей и конкретной социологией... проходит по той подвижной линии, которая отделяет прошлое от настоящего. Конечно, здесь... много точек соприкосновения и даже прямого совпадения; настоящее ежечасно, ежеминутно переходит в прошлое, и данные конкретных социологических исследований быстро становятся историческими источниками» (Гулыга 1969, с. 28 сн.). Правда, А. Гулыга, которому принадлежит эта формулировка, говорил лишь о водоразделе между историей и конкретной социологией, да и то в сноске, но общая идея созвучна предлагаемому нами подходу.

Разделение труда в современной науке сложилось так, что на плечи историков лег комплексный анализ обществ, отличных от современного. Как отметил французский историк М. де Серто, историографический дискурс конструируется как *познание другого*. «... Прошлое в первую очередь связано с *репрезентацией различия*. Производимая историком операция состоит в определении того, что именно, в соответствии с современными установлениями, отличается от своего „другого“ (прошлого), в предположении о наличии дистанции, отде-

ляющей нынешнюю ситуацию <от прошлого>, и тем самым в маркировании посредством дискурса значимых изменений, обуславливающих эту дистанцированность. Эта операция имеет двойной смысл. С одной стороны, она историзирует настоящее время. Точнее говоря, она позиционирует настоящее время переживаемого момента... Но, с другой стороны, образ прошлого сохраняет свою первичную функцию репрезентации *утраченного*... Таким образом, история всегда амбивалентна: установление места прошлого в равной мере является формой *выделения места для будущего*» (Certeau 1988 [1975], p. 85).

Тем самым определяется граница между настоящим и прошлым: к настоящему, т. е. предмету специализированных общественных наук, относится та часть прошлого, когда общество было похоже на сегодняшнее, и поэтому к нему применимы схемы, модели, теории и концепции, созданные для анализа современности. Ясно, что эта граница условна и размыта; по отдельным дисциплинам и даже внутри каждой из них грань между прошлым и настоящим может сильно колебаться: например, в экономической науке аппарат производственных функций пригоден даже для второй половины XVIII в., а, скажем, портфельная теория финансовых активов — лишь начиная с 30-х годов нашего века.

Надо сказать, что социальные науки далеко не сразу определились как дисциплины, которые преимущественно концентрируются на изучении настоящего, — так, на начальном этапе крупные работы по исторической социологии не были исключением, каковым они стали впоследствии. Причина заключалась не только в том, что социология проходила некий этап самоопределения и еще не сделала окончательного выбора. Дело и в некоторых характерных для XIX в. обольщениях относительно возможности разработки универсальных или «естественных» законов, пригодных для «всех времен и народов». Естественнонаучная парадигма, идущая от О. Конта, толкала социологов к определению всеобщих законов развития общества. Эволюционный подход, связанный с признанием социальной динамики, также ориентировал на поиски *законов* — в данном случае законов развития, законов перехода от одной общественной системы к другой. Но затем по целому ряду причин социологи охладели к истории, а если и обращались к ней, то, за редкими исключениями типа М. Вебера и Н. Элиаса, делали это столь неумело, что ничего кроме раздражения у историков это вызвать не могло.